

ответственности и реализация на основе этого мер уголовной ответственности. Таким образом, говорить о презумпции исправления при истечении давности представляется невозможным, так как не применялись средства достижения данной цели.

В заключение можно сделать следующие выводы. Основанием применения сроков давности является нецелесообразность реализации частного и общего предупреждения и презумпция исправления преступника. В свою очередь, все три цели являются целями уголовной ответственности, реализуемыми на основе осуждения, т. е. порицания в суде лица, совершившего преступление. А средствами достижения данной цели являются меры, применяемые к лицу, совершившему преступление, на основании осуждения и признания виновным. Это противоречит существующему обоснованию применения сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Закончить рассмотрение данных вопросов хотелось бы высказыванием Э.А. Саркисовой: «Цели уголовной ответственности – это те конечные результаты, которых стремится достичь государство при ее реализации» [7, с. 344].

1. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие / Н.А. Бабий. Минск : ГИУСТ БГУ, 2006.
2. Уголовное право. Общая часть : учеб. для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. 2-е изд., стер. М. : Норма, 2000.
3. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. В.Н. Петрашева. М. : ПРИОР, 1999.
4. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменко [и др.] ; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010.
5. Уголовное право. Общая часть : конспект лекций / Э.Ф. Мичулис [и др.] ; под общ. ред. Э.Ф. Мичулиса. Минск : Изд-во МИУ, 2008.
6. Курс уголовного права. Общая часть : учеб. для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М. : Зерцало, 1999. Т. 1 : Учение о преступлении.
7. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. Минск : Тесей, 2005.

Дата поступления в редакцию: 17.10.13

I.I. Basetsky, doctor of law, professor, Honourable Lawyer of the Republic of Belarus, professor of the chair of detective activity of the faculty of militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus, chief editor of the scientific-practical journal 'Bulletin of the Academy of MIA of the Republic of Belarus'; A.M. Bystrikov, student of the 1st rate of the magistracy of the International University 'MITSO'

FOUNDATIONS FOR THE APPLICATION OF THE LIMITATION PERIOD FOR CRIMINAL LIABILITY: THEIR VALIDITY AND LEGITIMACY

In this article conceptual provisions of institute of the penal legislation and quot; criminal prosecution prescriptive limits and quot; the basis of their application are considered, justification and legitimacy of application of prescriptive limits of criminal prosecution.

Keywords: criminal prosecution prescriptive limits as criminal legal institution, bases of application of prescriptive limits of criminal prosecution, justification of application of prescriptive limits, legitimacy of application of prescriptive limits.

УДК 346.9(476)

И.И. Басецкий, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, главный редактор журнала «Вестник Академии МВД Республики Беларусь»;
С.В. Самсонова, магистр юриспруденции, нотариус Минской областной нотариальной палаты

ГЕНЕЗИС И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ МЕДИАЦИИ КАК ПОСРЕДНИЧЕСТВА В ДОСУДЕБНОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ И СПОРОВ

Рассматриваются актуальные вопросы становления и развития медиации как посредничества в разрешении конфликтов и споров на основе ретроспективного анализа, содержащегося в историко-правовой литературе, исторических памятниках права. Применение исторического метода позволило выявить закономерности развития явления до современного состояния, обусловленного сменой общественно-экономической формации, возвращением к капитализму и рыночным отношениям.

Ключевые слова: медиация, урегулирование конфликтов и споров, медиатор как посредник в разрешении конфликтов и споров.

Медиация существует с тех пор, как существуют конфликты. Для разрешения конфликтов прибегают как к переговорам между конфликтующими сторонами, так и к медиации, которую можно назвать особым видом переговоров с участием нейтрального лица. Нельзя утверждать, что ранее применялась

медиация в виде, сформированном и существующем на настоящий момент. Говорить можно лишь о применении методов примирения сторон с участием нейтрального посредника. Подобные методы разрешения споров все чаще использовались в случаях, когда переговоры заходили в тупик, и для достижения успеха нужно было, чтобы спорящие стороны поняли и приняли точки зрения друг друга. Много веков назад люди убедились, что при разрешении серьезных разногласий жизнеспособного и взаимовыгодного решения проще добиться переговорами, нежели используя нормы, иерархический порядок или судебный спор [1, с. 86].

Примирительные методы урегулирования споров, как известно, применялись уже со времен существования первобытного общества. Необходимостью для привлечения третьей, нейтральной стороны для разрешения конфликтов являлось прежде всего желание выжить (отдельных людей или группы, в частности первобытных племен). Первыми, кто стал применять данные методы примирения, были жрецы и вожди, которые таким образом останавливали убийства и насилие, угрожающие самому племени. В Древней Руси с помощью посредников предпринимались попытки закончить миром княжеские ссоры, междоусобицы. В этих случаях посредниками часто выступали представители духовенства. Довольно активно медиация применялась при разрешении международных споров. Называлось это по-разному: «посредничество», «ходатайство», «предложение добрых услуг» [2, с. 147].

Учитывая большое количество материала, который можно найти в литературе, мифологии и истории, другой альтернативы, кроме как произвести ограничивающий отбор примеров, позволяющих увидеть одностороннее правосудие (силу), судебный поединок (право) и медиацию (консенсуальность), нет.

В своей статье, посвященной «судье и поиску решения конфликта», Ги Каниве цитирует следующий примечательный отрывок из произведений Платона: «...тяжущиеся стороны должны обращаться к своим соседям, друзьям... Если при этом получится суждение неудовлетворительное, должно обратиться к... суду».

Призыв, с которым философ обращается к своим согражданам, оказывается очень актуальным с трех точек зрения:

он выражает предпочтение, приоритет, необходимость начать с «полюбовного» урегулирования конфликта, поскольку следует обратиться к третьей стороне, прежде чем обратиться в суд. Именно эта мысль, перефразирующая Платона, хотя и не цитирующая его, была недавно выдвинута нашими органами власти;

он указывает, что человек, на которого возложен поиск «полюбовного» решения, и человек, на которого возложена миссия судьи, – разные люди. Именно эту идею развивает Консультационный совет европейских судей;

подразумевает, что приемы, применяемые третьей стороной, и приемы, применяемые судом, различны.

«Илиада», «Одиссея», «Теогония» и другие классические мировые трагедии включают многочисленные сцены, заимствованные из мифологии, где на первый план выходит деятельность посредника, воплощенная чаще всего в персонажах Гермеса – бога-гонца, бога переговоров, торговли и путешествий – и его «потомка» – Одиссея. Кроме того, у Гомера мы находим не только иллюстрации того, как эти персонажи улаживали споры, но также типологию самих конфликтов, причины которых в наши дни будут четко различать с тем, чтобы определить наиболее подходящий тип юридического вмешательства.

В контексте греческой трагедии Жаклин Морино проводит яркую параллель между процедурой медиации в известном нам виде и тремя фазами античного театра:

«*théoria*» определяется как время выражения и взаимного выслушивания. Это жизненное время, которое позволяет услышать версию конфликта в изложении оппонента, при этом роль посредника (медиатора) осуществляется хором, корифеем, играющими роль зеркала;

«*crisis*» выражает сильные реакции протагонистов, способствуя выражению эмоций, интенсивности страдания и нахождению вопросов, при этом хористы на этом этапе должны облегчить постановку вопросов так, чтобы позволить актерам постепенно дистанцироваться от их эмоций, найти другой взгляд на пережитое ими;

«*catharsis*» олицетворяет слово, которое после принятого страдания должно стать очистительным средством, переходом с уровня индивидуального сознания к уровню альтруизма, к открытию себя для другого. При этом каждый из протагонистов должен совершить действие, необходимое для того, чтобы достичь преодоления самого себя.

Солон – первый известный посредник (медиатор) в истории. В памяти он предстает прежде всего в образе законодателя, ибо он был первым, кто в эпоху греческой античности сделал достоянием народа законы, до того момента предназначенные лишь для узкого круга элиты.

В то время Афины находились на грани гражданской войны. Опасно обострилось напряжение, противопоставлявшее аристократическое меньшинство – «эвпатридов» – большинству, состоящему из обычных граждан. В ту эпоху ситуация удивительно напоминает не только ту, которую мы увидим затем в античном Риме, где патриции будут противостоять плебейам, но и ту, которая характерна для многих стран сегодня: небольшая группа людей удерживает большую часть ресурсов, в то время как большин-

ство граждан довольствуется жизненно необходимым минимумом. Солон, которому доверяли оба лагеря, сумел избежать худшего путем введения устроившей всех системы отмены долгов. Благодаря независимости мышления и умению сопереживать Солон смог завоевать доверие протагонистов. Его деятельность отличает то, что он был избран своими согражданами посредником (*mesitès* – посредником между партиями) и архонтом Афин и должен был исполнять обе обязанности практически одновременно, что и делал с успехом.

Примерно веком позже афиняне провели реформирование своей судебной системы – Аэропага, направленной на демократизацию его состава. Это событие произошло незадолго до появления трилогии Эсхила «Орестея», в которой отразились потрясения, порожденные переходом от старого миропорядка к новому. Эти события были тонко проанализированы Жаклин де Ромийи [3].

Трилогия иллюстрирует установление демократической системы правосудия, за равновесием и правилами которой следит Афина. Данная система пришла на смену «чистого» правосудия – жестокого, самоуправного, учитывающего лишь одну сторону, правосудия Эриний – богинь мщения. Просветительская реформа, которая в трагедии приписывается Афине, подчеркивает смирение богини. Возглавляя Аэропаг, она сначала поручает Эриниям произнести обвинение, которое выслушивает в течение длительного времени, затем передает слово защитнику Ореста Аполлону. Она позволяет 12 присяжным, выбранным по жребию, решить судьбу обвиняемого, и участвует в принятии решения лишь тогда, когда надо определить преимущество по результатам тайного голосования. Она присоединяет свой голос к тем, кто проголосовал в пользу Ореста, таким образом навсегда завершая эпоху кровной мести. Ее скромность, хотя об этом в пьесе напрямую не говорится, проявляется также в ее отношении к посредничеству (медиации), которое она не рассматривает как нечто противоборствующее в отличие от Фемиды, которая хотела бы (вновь) установить как в Риме, так и в наши дни свою монополию на разрешение споров.

Однако победа правосудия, основанного на «чистом» правосудии, не положила конец посредничеству (медиации) в Афинах. Об их сосуществовании свидетельствует более поздняя цитата из сочинений Платона. Их взаимодополняемость смогла убедить как богиню, так и граждан Афин (хотя столицей была Аттика), других полисов античной Греции и носила отпечаток военной культуры.

Так, в Афинах было одновременно реализовано три модели правосудия: односторонняя, судебный поединок и под покровительством третьей стороны – медиатора.

Если говорить о Риме, то завоевав один за другим греческие города-полисы, он не спешил насаждать в них свои институты: они постепенно распространились внутри империи с течением времени. Сначала Рим жил согласно Законам 12 таблиц, который закреплял обычаи, восходившие к доисторическому периоду. Согласно этому закону, прежде чем прибегнуть к закону талиона (который стал первым ограничением неуправляемого принципа кровной мести), следовало выяснить, не было ли у сторон возможности договориться. Что именно нам известно об этом? Обычай постепенно забывался по мере того, как развивались замечательные институты римского права, в особенности процессуальное право, характеризующееся многочисленными «искадами», что должно было устранить «чистое» правосудие (пусть даже «смягченное» законом талиона), как, вероятно, и другие формы принятия решения. Обычно римлянам приписывают два таланта: талант ведения войны (внешний) и талант законодательный (внутренний), причем первый оказывал осязательное влияние на второй [3].

Римское правосудие – «судебный поединок», словарное наполнение которого до сих пор носит военный характер: в тяжбе истец противостоит «ответчику», «противные» стороны, две или несколько, считают друг друга врагами, судья призван «пресечь» тяжбу «мечом» правосудия. Военное оснащение проникает даже в новый атрибут, который римляне добавили к изображению Фемиды, – символизирующий власть пучок розог с входившими в него секирами. Однако меч «рассекает» спор, а вместе с ним и отношения, связывающие стороны. Бинарный подход к тяжбе, ограничивающий и манихейский (справедливо / несправедливо, истинно / ложно, хорошо / плохо) до сих пор ограничивает, искажает и осложняет видение конфликта сторонами. Приговор, будучи мертвым решением мертвой проблемы, не только оставляет конфликт нерешенным, но может даже обострить его.

И все же «судебный поединок» во Дворце правосудия, как некогда бой гладиаторов на арене, все еще завораживает умы. При представлении новых вариантов кодекса гражданского судопроизводства, тот, кто составляет комментарии и организует конференции, предназначенные для «практиков», именно к этому «поединку» устремляет свой взгляд, лишая медиацию достойного внимания. Не так ли и Фемиды, богиня, на которую мы ссылаемся, завязала себе глаза? Вне «судебного поединка» нет спасения! Не присутствуем ли мы при зарождении интегралов нового типа?

Падение Рима, Западной империи и многочисленных римских институтов на несколько веков дало простор жестокости, мщению, а также одностороннему правосудию – тому, что римляне именовали Фуриями вслед за греками, называвшими свои бедствия Эриниями. Падение Римской империи вновь открыло дорогу для посредничества (медиации): «Переходный период – это время медиации».

Единственным выжившим институтом на Западе оказалась Церковь, которая в течение этих кровавых веков старалась смягчить жестокость и мщение, вышедшие из-под контроля по причине отсутствия прочной судебной системы. Церковь начала с учреждения во времени и пространстве периодов

перемирия (воскресный день и основные праздники), объявила под своей защитой некоторых людей (клириков, детей, больных) и некоторые места (религиозные здания, богадельни). Параллельно с этим установила практику применения медиации под своим руководством для разрешения частных или коллективных споров. Николай из Флю (1417–1487), простой отшельник, представляет собой эмблему посредника того времени, челночное посредничество которого (частные беседы, саусес) спасло его сограждан от гражданской войны, а его страну, Конфедерацию Швейцарских кантонов, от распада (ConventantdeStans 1481 г.). После того как в конце XIII в. вновь было открыто римское право и созданы более эффективные институты (в том числе и судебные), в частности учреждение прочной королевской власти Капетингами и Плантагенетами, принципы кровной мести и одностороннего правосудия отступили, в то время как институциональное правосудие и посредничество (медиация) продолжали «мирно уживаться» вплоть до конца XVIII в. Они сосуществовали, дополняя друг друга, как прежде в Афинах.

Как ни парадоксально это звучит, но великие потрясения, сопровождавшие в Европе Французскую революцию, повлекли за собой практически повсюду на континентальной части Западной Европы исчезновение традиции посредничества. Вероятно этому способствовали введение нового концепта обязательной попытки судебного примирения в многочисленных кодексах гражданского делопроизводства и потеря влияния институтов церкви. Подобно «Спящей Красавице» медиация «погружается в сон» на континентальной части Западной Европы почти на два века.

Вестфальский мирный договор положил конец Тридцатилетней войне, которая предала огню и мечу большинство европейских стран. Этот договор являет собой наиболее яркое опровержение слов тех, кто еще сегодня продолжают утверждать, что медиация родилась не в Европе. На самом деле преамбула договора недвусмысленно упоминает и факт посредничества, и самого посредника – представителя Венеции Алоизия Контарини. В тексте преамбулы провозглашается, что заключение мира стало возможным благодаря именно его усилиям, поскольку он без устали выполнял миссию посредника в течение пяти лет, оставаясь независимым в отношении требований сторон.

Этот пример посредничества, затронувший более 20 стран, представляется одним из наиболее сложных в нашей истории. Воюющие страны поручили Венецианской республике, объявившей о своем нейтралитете в данном военном конфликте, назначить дипломата специально для посреднических целей.

Как показал Дюсс-фон Вердт, это посредничество обладало некоторыми современными чертами: челночной медиацией с использованием дипломатии, основанной на конфиденциальности бесед, проводимой при сохранении нейтралитета и имеющей беспристрастный характер, с отдельными сеансами ко-медиации. Представив своим властям проект правил, которым он намеревался следовать, Контарини однозначно заявил о своих концептах и правилах поведения, таким образом, впервые сознательно и недвусмысленно очертив принципы медиации [4].

В процессе развития римского права институт мирового соглашения стал известен правовым системам континентальной Европы, а через них и России. В Средние века во Франции склонение сторон к миру считалось главной обязанностью церковных судов. В новой истории в Голландии впервые появились судьи примирения. В последствии аналогичные органы были созданы в Англии. Судьи-примирители также существовали в Бельгии и ряде германских земель. В соответствии с австрийским процессуальным законодательством XIX в., всякое дело, прежде чем быть рассмотренным в суде, обсуждалось со сторонами с целью склонения их к миру.

В России институты примирительных процедур и мирового соглашения начали формироваться с конца XIV в. Впервые в российском законодательстве об урегулировании споров путем мирового соглашения упомянуто в Новгородской берестяной грамоте (1281–1313 гг.). Она содержит ссылку на мировую сделку, заключенную автором письма с его адресатом, и требование к адресату соблюдать ее: «От Петра к Коузме. Язьтобе, братоусвоемоу, приказале про себе: какооурядил ли ся со тобою, ци ли не оурядилсяти, ты со Дроцилоюньсомолове, прави. А язьяскланею». В тексте используются термины «урядиться» и «смолвити», которые означают заключение мировой записи, составленной в присутствии свидетелей.

Внесудебное урегулирование споров являлось неотъемлемой частью новгородской деловой культуры, основанной на признании широкой автономии воли, поощрении частной инициативы и минимизации вмешательства государства в частные дела. Из дошедших до наших дней правовых и литературных памятников известно, что в Новгородской республике одной из распространенных внесудебных процедур была процедура под названием «мировой ряд» (или просто «ряд»). «Добрые люди», или рядцы, приглашались сторонами для того, чтобы попытаться достичь единого мнения о том, на каких условиях спор должен быть прекращен. Значительная часть споров улаживалась договорным путем до начала суда («идя на суд срядишесь»). Форма урегулирования конфликта, основанная на взаимных уступках сторон, называлась «мировой» или «докончальной». Обращение спорящих сторон к услугам третьих лиц (рядцов) называлось «рядом». Рядцы – примирители, посредники в урегулировании спора при заключении обоюдного решения – мировой или «докончального» соглашения.

С помощью мирового ряда решались как частные конфликты, так и споры между князьями. Так, в договорах князей обычно предусматривалось, что в случае спора князья высылают с каждой стороны своих бояр. Эти бояре могут уговориться между собой, и если они достигнут соглашения, то на этом должны стать их князья. Рядцы и послухи всегда выбираются с обе стороны. Таким образом, спорящие стороны обращались к доверенным лицам, которые сообщали им согласованные между собой условия мира.

В договорной грамоте новгородцев с великими князьями было предусмотрено правило «а ряду в Новгородской волости тебе, Княже, и твоим судьям не посужати». Это означало, что князь был не вправе отменить или пересмотреть условия урегулирования спора, согласованные и постановленные рядцами. Правило о недопустимости «пересуда» урегулированного мировой сделкой спора являлось одним из фундаментальных принципов примирительных процедур.

Мировая сделка имела несколько различных наименований, в том числе называлась мировой, миролюбным соглашением, мировой записью, полюбовной сказкой или dokonчальным соглашением. Сам термин «dokonчальное соглашение», которое фиксировалось в рядной или dokonчальной грамоте, указывал на то, что примирение имело окончательный характер и не подлежало пересмотру. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля указано такое значение слова «dokonчивать»: «dokonчивать – dokonчать или dokonчить что, кончать, okonчивать, покапчивать, заканчивать; приводить что к концу... Dokonчальная грамота – стар, мирный договор, okonчательно утвержденный».

Полюбовной сказкой на Руси называлась разновидность мирового соглашения. Она фиксировалась в книгах решений суда и представляла собой обязательство, в силу которого одна сторона по обоюдному согласию принимала на себя исполнение каких-либо условий (уплатить долг к известному сроку, вознаградить другую за причиненные той обиды, не наносить впредь оскорблений и т. д.). Полюбовная, или мировая, сказка оформлялась как обязательство одностороннее, от имени ответчика. Однако она могла иметь силу только с согласия истца и иногда содержала и его встречные обязательства, обычно – прощение ответчика (отказ от иска) [1].

До наших дней дошли девять рядных грамот в подлинниках и 163 рядные грамоты – в списках XV–XVII вв. и берестяных черновиках. Самая ранняя из сохранившихся грамот датируется 1315–1322 гг., а самые поздние – третьей четвертью XV в. Рядными грамотами могли оформлять любые сделки, необходимые для примирения спорящих сторон (купля-продажа, обмен, раздел, выкуп). Нередко рядная грамота предусматривала отступное за отказ от притязаний на определенное имущество. Рядная грамота, как правило, составлялась с упоминанием рядцев и имела следующую структуру: наименование действия (прекращение спора); обозначение сторон, заключивших ряд; изложение обстоятельств, предшествовавших составлению рядной и послужившие причиной ее составления; договор по существу спорного дела; отказ сторон от дальнейших взаимных претензий; удостоверительная часть, в которой указывались: имена свидетелей, имя писца, имена участников ряда, «стоявших у печати», печать должностного лица; ответственность за нарушение ряда.

Сохранился текст мировой записи, составленный в 1538 г. В ней закреплены условия урегулирования земельного спора между монастырем в лице игумена Нафанаила и боярским сыном Нечаем Харламовым. Запись составлена от первого лица («Язь, Игумень Нафанаиль, и язь, Нечай Харламовъ...») и содержит упоминание о примирении сторон третьейскими посредниками (третьями). В записи указано, что стороны передали спор «третьям», которые назначили им встречу, заслушали стороны, обследовали спорные земли и помирили стороны без вынесения обязывающего решения. В записи содержатся и санкции за продолжение стороной спора вопреки условиям мировой записи: «Л в зочнуязь Игумень Нафанаила ту землю спорную переделивати через сю запись, или учну хлеба отыскивати и сен, и на мне, на Игумене Нафанаиле съ братьею, взятии Нечаю заставы, по сей записи, пятьдесят рублей Ноу городская». Мировая сделка была заключена в присутствии пяти свидетелей, которые поставили на ней свои подписи. Запись заканчивалась словами «А запись писал Дьяксвятаго Климента, изъ Колбяг, Гридя Григорьев сын. Лета 7046». Далее стояли подписи представителя игумена и свидетелей. По условиям сделки другой стороне не было необходимости ставить свою подпись, поскольку ее нарушение не было в интересах последней.

Упоминания о мировом соглашении встречаются практически во всех крупных памятниках русского права: Псковской судной грамоте (1397), Судебнике Ивана III (1497), Соборном уложении (1649). В то время гражданская и уголовная юстиция не были ясно отделены одна от другой и мировая сделка могла заключаться во всей области спорных правоотношений, включая преступления, проступки и гражданские правонарушения. В дальнейшем, в связи с разделением процесса, мировое соглашение стало рассматриваться, прежде всего, в качестве института гражданского процессуального права.

В России довольно продолжительное время (с 1775 по 1862 г.) существовали губернские совестные суды, созданные по указу императрицы Екатерины Великой. Совестный суд рассматривал гражданские дела в порядке примирительной процедуры и некоторые уголовные (малолетних, невменяемых и т. п.). Споры между родителями и детьми были изъяты из подсудности обычных судов и переданы на разбирательство совестного суда. Иные дела совестные суды рассматривали лишь в случае, если к ним обращались сами стороны по обоюдному согласию. Совестный суд вырабатывал условия для примирения самостоятельно или через особых посредников. Если попытка примирения не имела успеха, то стороны для разрешения спора обращались в общие суды. Как указывал И. Наумов в 1830 г., «оный суд не решит дел без согласия тяжущихся: он только убеждает их к окончанию их дела, по совести. Совестный суд отличается тем от прочих судов, что в нем уважается не обряд письменный, или форма, но существо дела». Согласно ст. 400 Учреждения о губерниях, которое создавало совестный суд, данного суда «должность есть в гражданских делах примирять тех спорящихся, которые прозьюю прибегают к разбира-

тельству Совестного суда». В соответствии с Высочайшей резолюцией 15 марта 1788 г. совестный суд имел право для примирения тяжущихся истребовать к себе нерешенное дело гражданской палаты и других присутственных мест. Судьей совестного суда губернии был «к тому способный, совестный, рассудительный, справедливый и беспорочный человек, которого всякое судебное место представляет Государеву наместнику, и сей из тех представленных определял одному быть судьей Совестного суда того наместничества» [3].

Сохранились работы выдающихся деятелей российского государства, свидетельствующие об актуальности содействия развитию примирительных процедур в XVIII–XIX вв. Министр юстиции того времени Г.Р. Державин в 1803 г. подготовил проект объединения третейского и совестного суда с целью способствования примирительным процедурам, в котором, в частности, указал: «Третейские совестные судьи, нося на себе звание и достоинство решать жребий ближних своих, не должны превозноситься вверенною им властью, но, обходясь с возможной учтивостью с тою и другой стороною, с чистосердечием и твердостью показывать им существо дела в точном его виде, с некоторым иногда большим уважением, дабы поскорее примирить, представляя всегда, что самая надежнейшая тяжба негоднее посредственного мира, доставляющего и с некоторой чего-либо уступкою душевное спокойствие; вследствие чего, при малейшем наклонении соперников на мир не отлагать окончания оно до завтра...».

Другой крупнейший российский ученый и государственный деятель Н.М. Карамзин составил проект рескрипта, направленный на развитие примирительных процедур, и в обращении к министру юстиции, датированном приблизительно 1817–1827 гг., указал: «Вам известно, какое множество тяжбных дел обременяет наши судебные места. Вникая в причины этого, я убедился в истине, что не одна бессовестная ябеда, но и заблуждение тяжущихся, или неясное понятие о своих правах бывают виною сего великого зла, в отношении к нравственности и к самому гражданскому благосостоянию людей: что благоразумные советы и посредничество лиц, удостоенных общественной доверенности, могли бы устранять или в начале прекращать многие судебные дела способом примирения. Находя сей способ наиболее согласующимся с человеколюбием и святыми правилами христианского закона, я разсудил за благо испытать его...». Далее Н.М. Карамзин рассказывает об успешном проведении посредничества предводителями дворянства и другими авторитетными лицами. «Мне приятно отдать справедливость достохвальной ревности миротворцев и видеть на опыте ее пользу», – пишет он. Н.М. Карамзин, как и подавляющее большинство других мыслителей, был убежден, что эффективным и целесообразным является то примирение, которое достигнуто добровольно, без давления на участников спора со стороны примирителя.

О роли посредников в России Н.В. Гоголь написал: «Люdiam трудно самим умирить между собой, но, как только станет между ними третий, он их вдруг примирит. Оттого-то у нас всегда имел такую силу третейский суд, истое произведение земли нашей, успевавший доселе более всех других судов. В природе человека, и особенно русского, есть чудное свойство: как только заметит он, что другой сколько-нибудь к нему наклоняется или показывает снисхождение, он сам уже готов чуть не просить прощенья. Уступить никто не хочет первым, но как только один решился на великодушное дело, другой уже рвется, как бы перещеголять его великодушьем. Вот почему у нас скорее, чем где-либо, могут быть прекращены самые застарелые ссоры и тяжбы, если только станет среди тяжущихся человек истинно благородный, уважаемый всеми и притом еще знаток человеческого сердца».

Огромное значение имели примирительные процедуры и мировое соглашение в спорах крестьян. Склонность крестьян решать дела примирением, как отмечалось исследователями рубежа XIX и XX вв., глубоко коренилась в условиях жизни крестьянского сословия, его быте предшествующих и рассматриваемого периодов. Исследователи обоснованно связывали склонность крестьян к полюбовному разбирательству с «продолжительной обособленностью крестьянского сословия, а также с недоверием крестьян к чуждому официальному праву и их нелюбви к строгому формализму». «Во время господства крепостного права жизнь крестьянского сословия, игнорируемая законодательством, подавляемая произволом помещиков, всецело замыкалась в сельских сходах, где решались полюбовно, при участии стариков, все дела и тяжбы как юридического, так и экономического свойства». Обычай решать дела мировую получил законодательное признание в указе от 15 мая 1808 г., которым был учрежден местный суд для удельных крестьян. Судьям было вменено в обязанность склонять стороны к миру, а если мир не состоится, представлять дело в удельный приказ. Затем этот обычай был закреплен в Общем Положении о крестьянах, установленном законом 1861 г., обязавшим судей волостных судов склонять стороны к миру.

Во второй половине XIX – начале XX в. в России отмечается масштабный прорыв в понимании значения мирного урегулирования споров. Начинают складываться основные контуры юридической конструкции мирового соглашения, постепенно формируется комплексная система взглядов на примирительные процедуры. Российское гражданское и процессуальное законодательство и наука XIX в. уделяли большое внимание институту примирения сторон [2].

В Уставе гражданского судопроизводства 1864 г., принятого в ходе судебной реформы, имелась целая глава «О примирительном разбирательстве». По уставу спорящие стороны могли прекратить процесс по взаимному соглашению. Для этого истец должен был заявить суду, что отказывается от своих требований, а ответчик – что он согласен на прекращение дела. Соглашение между сторонами о прекращении дела могло быть также облечено в особую форму мировой сделки, заключение которой допуска-

лось во всяком положении дела. Согласно ст. 1359 устава мировые сделки могли быть совершены в трех формах: путем записи, предъявленной к засвидетельствованию нотариусу или мировому судье; подачей мирового прошения за подписью сторон; составлением мирового протокола в судебном заседании во время производства дела. Юридические последствия для всех трех видов мирового соглашения были одинаковы. В ст. 1366 устава прямо указано, что дело, прекращенное миром, считается навсегда окончательным и возобновлению не подлежит.

Согласно данному уставу допускалось также заключение мировых соглашений у мировых судей и в общих судебных местах. Главная обязанность мировых судей состояла в принятии мер для соглашения и примирения спорящих. В ряде случаев невыполнение указанной обязанности рассматривалось вышестоящими судами как существенное нарушение процессуальных норм, что служило поводом к отмене решения. В общих судебных местах принятие мер к примирению зависело от усмотрения председателя суда, за исключением дел, рассматриваемых в порядке сокращенного судопроизводства.

Не все дела могли оканчиваться примирением сторон, законодательство в этом вопросе устанавливало определенные ограничения. Согласно ст. 1289 устава дела казенных управлений не могли быть оканчиваемы на суде примирением спорящих сторон. Исходя из современной терминологии данные дела относятся к категории дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Кроме того, дела по искам, основанным на правилах о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семей на предприятиях фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности, могли оканчиваться примирением только на основаниях, предложенных судом. Ст. 1365 устава содержала правило, согласно которому уступки сторон, сделанные при соглашении их на примирение, не имеют для них обязательной силы, если примирение по чему-либо не состоялось.

Аналогичное положение содержалось и в Уставе судопроизводства в коммерческих судах (гл. 5 «О разбирательстве через посредников»). При этом в нем были указаны случаи, когда суду целесообразно предложить сторонам заключить мировую сделку (§ 194): «Но в спорах многосложных, коих существо не относится к товариществу, когда по первоначальному объяснению сторон не будет найдено очевидного и решительного перевеса ни в доказательствах, ни в опровержениях, и когда сей перевес может открыться не иначе как впоследствии продолжительной тяжбой, затруднительными справками, свидетельствами, или дополнительной присягой, – Суд, не приступая к решению, предлагает прежде сторонам или войти в мировое соглашение при посредничестве его, или же разбраться добровольным третейским судом». В случае если стороны решали участвовать в процедуре посредничества, проводимой судом, то суд предоставлял им право избрать из его среды одного или двух примирителей; иначе он сам назначал таких примирителей из своих членов (§ 200). Примиряющие были обязаны, выслушав стороны, сначала представить им законы, на основании которых дело может быть решено, а потом сообщить и свое мнение о том, каким образом по взаимному согласию оно могло быть окончено миролюбно (§ 201).

Судебная статистика второй половины XIX в. свидетельствует о том, что значительное количество дел в судах оканчивалось в связи с заключением сторонами мировой сделки. В мировых судах с 1866 по 1899 г. в первой инстанции мировое соглашение заключено в среднем по 12,87 % от числа всех рассмотренных судами дел, а в суде второй инстанции – по 2,36 %. По традиции русские купцы не любили судебных разбирательств. Если у купца было денежное требование к коллеге по профессии, то он брал кусок угля и писал требуемую сумму на воротах у должника, чтобы о долге знала вся округа. Если потом кредитор стирал свою надпись, это означало, что он простил долг, либо сторонам удалось достичь в этом деле урегулирования, либо должник обанкротился.

1. Коннов, А.Ю. Понятие, классификация и основные виды альтернативных способов разрешения споров / А.Ю. Коннов // Журн. рос. права. 2004. № 12. С. 86–95.

2. Аллахвердова, О.В. Этапы развития медиации (из опыта работы Санкт-Петербургского Центра развития конфликтологии) / О.В. Аллахвердова // Трет. суд. 2007. № 3. С. 146–152.

3. Романенко, М.А. Медиация как форма альтернативного разрешения правовых конфликтов / М.А. Романенко // Тенденции и противоречия российского права на современном этапе : сб. ст. V Всерос. науч.-практ. конф. М. : МГУ, 2006. 150 с.

4. Перспективы развития медиации в Республике Беларусь : круглый стол / А.П. Егоров [и др.] ; подготовила к печати Н. Радковская // Вестн. Высш. Хоз. суда Респ. Беларусь. 2011. № 11. С. 55–69.

Дата поступления в редакцию: 03.02.14

I.I. Basetsky, doctor of law, professor, Honourable Lawyer of the Republic of Belarus, professor of the chair of detective activity of the faculty of militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus, chief editor of the scientific-practical journal 'Bulletin of the Academy of MIA of the Republic of Belarus'; S.V. Samsonova, master of jurisprudence, notary of Minsk regional notarial district

GENESIS AND GNOSEOLOGICAL NATURE OF MEDIATION AS AN AGENCY IN PRE-TRIAL SETTLEMENT OF CONFLICTS AND DISPUTES

Current issues of formation and development of mediation as an agency in the resolution of conflicts and disputes are discussed on the basis of post evaluation in historical and legal literature, historical monuments law. Application of the historical method revealed phenomenon's law of development to the present state, caused by the change of socio-economic formation, the return to capitalism and market economy.

Keywords: mediation, settlement of the conflicts and disputes, mediator as the intermediary in a resolution of conflicts and disputes.

УДК 343.213

А.М. Быстриков, студент 1-го курса магистратуры Международного университета «МИТСО»
(e-mail: lesha_bystrikov@mail.ru)

СРОКИ ДАВНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ГЕНЕЗИС, СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

Рассматриваются вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с окончанием сроков давности, а генезис явления освящается как уголовно-правовой институт. Раскрывается сущность и содержание указанного института уголовного законодательства.

Ключевые слова: сроки давности, основания освобождения от уголовной ответственности, сроки давности как основание освобождения от уголовной ответственности, генезис, сущность и содержание.

В данной статье мы решили поднять такой важный вопрос, как правомерность освобождения лица от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, и считаем, что механизм правового регулирования данного вопроса работает таким образом, что создает предпосылки для уклонения от уголовной ответственности нераскаявшихся лиц, а нередко даже рассчитывающих на то, что им удастся избежать наказания.

Проведенное нами исследование дает основания полагать, что действующие нормы уголовного права могут способствовать необоснованному избеганию отдельными лицами уголовной ответственности. Для подтверждения этой позиции рассмотрим некоторые применимые в контексте нашего исследования принципы уголовной ответственности права с социально-правовых позиций.

Ст. 3 УК Республики Беларусь содержит следующие принципы: законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости, гуманизма. Не вызывают сомнения взаимосвязь и взаимопроникновение этих принципов. Но в свете реализации задач уголовной ответственности, отраженных в ч. 2 ст. 44 УК, нас интересуют прежде всего принципы неотвратимости уголовной ответственности, равенства граждан перед законом и справедливости. Они являются той правовой доминантой, которая заставляет органы уголовного преследования постоянно осуществлять деятельность по выявлению преступлений и доказыванию виновности лиц, их совершивших. Неотвратимость ответственности означает, что каждое лицо, виновное в совершении преступления, подлежит наказанию или иным мерам уголовной ответственности, если нет правовых оснований для освобождения его от ответственности. Данный принцип усиливает действие принципа равенства граждан перед законом, не допуская возможности освобождения от уголовной ответственности по неправовым основаниям, например в силу занимаемой должности или материального положения.

Иными словами, освобождение от уголовной ответственности должно иметь исключительно законные, правовые основания. Эти основания перечислены в гл. 12 УК. Ими являются: освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности; освобождение от наказания в связи с истечением сроков давности исполнения обвинительного приговора; освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности; освобождение от уголовной ответственности в силу утраты деянием общественной опасности; освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием; освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Не имея возможности исследовать в полном объеме все указанные основания, остановимся лишь на первом – освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Мы ни в коем случае не оспариваем его нормативно-правовой характер, поскольку оно в установленном порядке закреплено в уголовном законе, но усомнимся в том, что указанное основание в полной мере соответствует духу уголовного закона и его применение отвечает целям уголовной ответственности.

УК, определяя те либо иные сроки давности, не дает никакого комментария, почему именно эти сроки явились оптимальными для освобождения от уголовной ответственности. По завершении нашего исследования мы, к сожалению, можем констатировать, что не нашли исчерпывающего философско-правового обоснования возникновения сроков давности в уголовном законе. Мы до сих пор не знаем, кто первый и в каких целях ввел их, хотя из косвенных источников нам удалось выявить основные версии